

ПРОБЛЕМА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДОФЕОДАЛЬНЫХ И РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

А. Я. Гуревич

Дискуссия о докапиталистических общественных формациях, идущая в среде историков-марксистов, уже дала несомненные положительные результаты. Вскрылось чрезвычайное многообразие путей исторического развития разных народов мира в одну и ту же эпоху, продемонстрировано своеобразие систем общественных отношений, существовавших у многих народов Запада и Востока. Дальнейшее плодотворное обсуждение закономерностей ранних периодов всемирной истории предполагает, как нам кажется, уточнение коренных понятий и категорий, которыми пользуются историки. Многие понятия, прилагаемые к различным эпохам далекого прошлого, сложились — во всяком случае, в той форме, в какой мы их ныне употребляем, — в новое время. Поэтому неизбежно встает вопрос о применимости этих категорий к другим эпохам и формациям, о необходимости более адекватного истолкования содержания подобных понятий. Среди «вечных» категорий исторической науки особое место занимает собственность. Познавательное значение этой категории огромно: не поставив проблемы собственности, историк не в состоянии ничего понять в изучаемом им обществе. Отношения собственности выражают существо производственных отношений, поэтому и вопрос о характере собственности, господствующей в обществе, встает одним из первых. Но всегда ли мы пользуемся понятием «собственность» с должной осмотрительностью? Какое исторически-конкретное содержание в него вкладывается? Ответает ли содержание этого понятия реальности изучаемой эпохи?

Понятие «собственность» в классовом обществе расчленяется на две основных категории: собственность частную и коллективную. В рамках каждой из них возможны дальнейшие подразделения. Первый тип предполагает различие между полной и неполной частной собственностью; второй тип дифференцируется сообразно субъекту коллективной собственности: родовая, племенная, общинная и т. п. Но самое содержание понятия «собственность» обычно не внушает сомнений, представляется достаточно ясным и само собою разумеющимся. В юридическом смысле под собственностью понимают право владения некоторым объектом, распоряжения им, свободного отчуждения — в соответствии с известной римской формулой: «*jus utendi et abutendi*». Иначе говоря, собственность выступает в виде категории вещного права, которая в определенных обществах распространяется не только на вещи, но также и на людей, трактуемых как вещи¹. Применимость такого по-

¹ См. толкование понятий «собственность» и «владение»: И. М. Дьяконов. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. «Вестник древней истории», 1967, № 4, стр. 14—16.

нимания собственности к буржуазному обществу не внушает сомнений. Историки-марксисты знают, что любое антагонистическое классовое общество основывается на частной собственности на средства производства. При этом уточняется, что рабовладельческое общество характеризуется также и частной собственностью на рабов, а феодальное общество — «неполной» частной собственностью на крепостных. Однако само понятие «собственность» трактуется, как правило, однозначно. В результате начинаются некоторые трудности. Например, приходится отмечать особый характер римской частной собственности на землю («квиритская» собственность). Что касается феодальной собственности на землю, то часто высказывается мысль о «расщепленной» собственности, предполагающей, с одной стороны, право пользования (*dominium utile*), с другой — верховную собственность (*dominium directum*). Право пользования принадлежит держателю, вассалу, верховная собственность — сеньору. Кроме того, встает вопрос о монополии господствующего класса на землю, о сословном характере собственности, об условности прав феодала на землю, сопряженной с его обязательством выполнять требования ленного договора. Тем не менее, несмотря на все эти оговорки и уточнения, феодальная собственность продолжает мыслиться как разновидность частной собственности.

Если понимать частную собственность как средство эксплуатации непосредственных производителей, как условие присвоения их прибавочного труда обладателями средств производства, то это понятие безусловно применимо ко всякому антагонистическому классовому обществу. Но ведь в понятие «собственность» входит не только это — самое общее — содержание, собственность понимается как экономическое богатство и как источник богатства, и именно под таким углом зрения рассматривается историками земельная собственность (как и всякая другая разновидность собственности) в древности и в средние века, вообще в докапиталистических формациях. Нам хотелось бы рассмотреть вопрос о том, в какой мере справедливо подобное понимание собственности применительно к раннесредневековому обществу Европы (в конце средних веков, при разложении феодализма, собственность, естественно, все более приобретает буржуазное содержание). Полагаем, что на этом ограниченном материале можно ближе познакомиться с проблематикой собственности в докапиталистических формациях в целом. Обращаясь к вопросу о собственности в средневековом обществе, на наш взгляд, очень важно учитывать, что целью производства как в сельском хозяйстве, так и в ремесле было прежде всего самообеспечение непосредственного производителя, воспроизводство его самого как члена общины, корпорации. Получение прибыли, стяжание, накопление богатств были чужды большей части членов этого общества; исключение составляли церковь, ростовщически-купеческая прослойка городского населения и часть дворянства, — однако преимущественно уже в эпоху «классического» и позднего средневековья, а не на заре его. В период же раннего средневековья господствующему классу богатство нужно было в первую очередь как средство потребления, удовлетворения личных и сословных потребностей, а не как источник накопления и обогащения.

В доклассовом обществе человек, возделывавший землю и пользовавшийся плодами ее, представлял собою органическую часть своего природного окружения; земля, по выражению К. Маркса, была такой же естественной предпосылкой его деятельности, как и части его тела или органы чувств, она была как бы его «удлиненным телом»². Право собственности возникает лишь тогда, когда субъект права про-

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 17, 24, 29.

тивнопоставляет себя объекту права. В данном же случае человек не относился к земле как к чему-то внешнему и постороннему ему самому. Земля была условием его существования, но о каких-либо исключительных правах на определенные пространства земли еще не могло быть и речи, во всяком случае, до тех пор, пока не приходили в столкновение два коллектива (племени, поселения), претендовавшие на одну и ту же землю. Тем более не могло возникнуть представления о возможности распоряжения землей и ее отчуждения. Пользование индивида землей было всецело обусловлено принадлежностью его к коллективу. Полного обособления прав отдельных лиц или семей на участки произойти в этих условиях не могло. В этом смысле есть основания говорить о коллективной собственности на землю у варваров, расселившихся в Европе, о том, что общине принадлежала «верховная собственность» на используемые ее членами пашни и угодья. Однако применительно к эпохе раннего средневековья этими понятиями необходимо пользоваться крайне осторожно. В самом деле, мы судим об общине варваров преимущественно на основании данных, относящихся к эпохе развитого и позднего средневековья (сообщения древних авторов на этот счет крайне туманны и малодостоверны, данные археологии почти неприменимы для решения вопросов, касающихся собственности, а записи обычного права и другие письменные источники раннего средневековья содержат лишь отрывочные сведения, по которым очень трудно реконструировать облик общины). Хорошо известно, что в результате «великих расчисток» XI—XII вв. в Западной Европе произошла массовая внутренняя колонизация, сопровождавшаяся созданием больших деревень со строгими аграрными распорядками. В возникших таким путем сельских общинах не могло не соблюдаться четкое разграничение прав отдельных крестьян на землю, прав сеньоров и крестьян, находившихся под их властью, как и разграничение прав разных феодальных сеньоров между собой. Имеются ли, однако, достаточные основания для того, чтобы такие распорядки более позднего времени относить к эпохе варварства и раннего средневековья, когда община являлась гораздо более аморфным коллективом?

В преимущественно лесистых местностях тогдашней Европы люди сплошь и рядом селились не большими, компактными массами, а маленькими группами из нескольких семей либо отдельными семьями поодаль друг от друга. Разобщенные подчас большими расстояниями, отдельные хозяева возделывали обособленные участки. Они были связаны между собой использованием неподеленными угодьями, необходимостью защиты земель от посягательств посторонних лиц, потребностью в совместном поддержании порядка, соблюдении обычаев, отправлении культа. Наиболее примитивные общины объединяло также родство, общность происхождения. Но в производственном отношении древнегерманская община не представляла собой коллектива. Сравнивая ее с восточной и с римской общиной, К. Маркс считал нужным подчеркнуть ту особенность, что она существовала «лишь в форме сходок членов общины»³. В тех случаях, когда несколько хозяев пользовались соседними участками, неизбежно складывались распорядки, которым все они должны были подчиняться. Но эти распорядки не создавали какого-либо особого права коллективной собственности, столь же чуждого сознанию варваров, как и право частной собственности на землю. Таким образом, собственность здесь означала, по К. Марксу, лишь «отношение трудящегося (производящего) субъекта (или воспроизводящего себя субъекта) к условиям его производства или воспроизводства, как к своим», и эти условия производства были не результатом труда земледельца, а его предпосылкой. Собственность в указанном

³ Там же, стр. 14, 16.

смысле сводилась к присвоению условий субъективной деятельности производящего индивида и осуществлялась «только через само производство»⁴. Понятие «общее владение» (Allmende, almenningr) могло полностью развиться, по-видимому, лишь тогда, когда стали индивидуализироваться права отдельных владельцев на принадлежавшие им участки земли, поскольку вместе с этим возникала потребность в разграничении общего и частного.

Проблемы земельной собственности имеют огромное значение при исследовании процесса зарождения и развития феодализма. Согласно широко распространенному в нашей историографии мнению, рост имущественного неравенства и сопровождавшее его развитие частной собственности (приобретение общинниками права частной собственности на их надель) послужили главнейшей причиной превращения этих общинников из свободных и самостоятельных хозяев в феодально зависимых крестьян-держателей земли от крупных землевладельцев. В центре исследования социальной истории этого периода оказывается поэтому вопрос об аллоде, который трактуется на раннем этапе его существования как нераздельное и неотчуждаемое владение большой семьи, а затем, по мере ее распада, как индивидуальное владение — неограниченная частная собственность, свободно отчуждаемый «товар»⁵. С возникновением аллода-товара связывается процесс становления крупного землевладения, ибо, согласно упомянутой точке зрения, именно отчуждение аллодов, утрата их мелкими собственниками и переход земель в руки собственников крупных и привели к торжеству феодального строя. Таким образом, вторжение стихии товарных отношений в сферу земельной собственности (наряду с насильем и другими факторами) породило аграрный переворот во франкском государстве: как во всяком обществе, строящемся на частной собственности и господстве товарных ценностей, мелкое землевладение у франков было вытеснено крупным.

Тезис об аллоде-«товаре», в частности, мысль о том, что аллод был равноценен римской частной собственности — *possessio* и, подобно ей, представлял собой свободно отчуждаемую собственность, не находит подтверждения в источниках. Более того, хорошо известно, что ни франкское, ни какое-либо иное общество в раннесредневековой Европе не характеризовалось развитым товарным производством и обменом, — напротив, в основе своей оно было натуральнохозяйственным. Товарный обмен — реальность этой эпохи, но он не определял структуры общества. Предположение, что разорение свободных франков, вызванное непосильными войнами, рабежами, насильями магнатов и вымогательствами церкви, привело к относительно быстрому исчезновению свободного крестьянского сословия, имеет в своей основе именно такую трактовку аллода, когда он рассматривается как товар. Вопрос же заключается в том, действительно ли свободному крестьянину было необходимо потерять свой аллод и разориться, чтобы затем превратиться в зависимого держателя? Такое рассуждение противоречит известной мысли Ф. Энгельса о том, что «в средние века не освобождение народа от земли, а, напротив, прикрепление его к земле было источником феодальной эксплуатации»⁶. Противоречит это рассуждение и ведущей идее К. Маркса о сущности первоначального накопления капитала как процесса, впервые в истории человечества приводящего к массовому отрыву непосредственных производителей от средств производства и прежде всего — от земли⁷. Соединение работников с землей, со средствами производства как

⁴ Там же, стр. 27, 29.

⁵ См. «История средних веков». М. 1964, стр. 60—61; «История средних веков». Т. I. М. 1966, стр. 114—115.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 349.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 728—744.

собственными — основа всех докапиталистических формаций, и она могла быть разрушена в широких масштабах лишь на заре капитализма. В. И. Ленин, в свою очередь, подчеркивал, что землю в товар впервые превращает капитализм, порывающий с сословностью землевладения⁸. По мысли К. Маркса, «свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения»⁹.

Возвратимся, однако, к эпохе раннего средневековья. Известно, что в Римской империи вплоть до времени ее завоевания варварами существовала частная земельная собственность. Германцы, расселяясь среди покоренного населения бывших римских провинций, захватывая часть принадлежавших ему земель, перенимали соответствующие производственные и юридические порядки, знакомились с институтом частной собственности. Но между аллодом франков и позднеримскими отношениями собственности знак равенства поставить невозможно. Это разные виды земельного владения, присущие разным общественным формациям. Аллод — не римская *possessio*, это особый институт, специфика которого столь значительна, что вряд ли его вообще можно представлять себе в виде товара или частной собственности. Специалист по ранней истории германской земельной собственности А. Гальбан-Блюменшток, определяя значение аллода в жизни франков, писал: «Земля кормит человека, но не обогащает его». Он обнаружил, что индивидуализация владельческих прав на землю у франков ограничивалась непосредственными практическими потребностями, сама же по себе земля не имела никакой цены, и первоначально отчуждение ее было невозможно¹⁰. Выдающийся авторитет в области изучения западноевропейского раннего средневековья в советской историографии А. И. Неусыхин, хотя и присоединяется к тезису о превращении аллода в товар, подчеркивает глубокую специфичность аллода по сравнению со свободно отчуждаемой частной собственностью. Он вводит очень важное уточнение, считая необходимым различать «ранний аллод», который еще не подлежал свободному отчуждению, но был владением семьи, и «поздний», или «полный аллод», уже превратившийся в частную собственность. В связи с этим разграничением А. И. Неусыхин отмечает также и градуированность прав владения на разные виды недвижимости в общине¹¹.

В период раннего средневековья не существовало, да и не могло существовать земельного рынка, на котором можно было бы свободно продавать и покупать недвижимую собственность. Это не означает, что землю вообще невозможно было отчуждать. Картулярии и другие источники свидетельствуют о том, что переход земельных владений из рук в руки был широко распространен, но он совершался при соблюдении целого ряда условий, знакомство с которыми, как нам кажется, дает сомнительным представление об аллоде как товаре. Насколько можно судить по «Салической Правде» и другим источникам, аллод, как правило, переходил по наследству в пределах семьи; он — неотъемлемая принадлежность семьи. Чтобы лучше понять характер «раннего аллода», о котором наука располагает скудными данными, следовало бы сопоставить его с родственными ему земельными институтами, сложившимися на той же стадии общественного развития варваров, что и аллод: с англосаксонским фолклендом и норвежским одалем. О фолкленде также известно немного, но и это немного дает

⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 310.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 165, примечание.

¹⁰ A. Halban-Blumenstok. Entstehung des deutschen Immobiliareigentums. Bd. I. Innsbruck. 1894, S. 360, 361, 362—363.

¹¹ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956, стр. 10—12, 17, 31, 110—117.

основание считать его неотчуждаемым владением семьи, в отличие от бокленда (земли, которой владели на основании жалованной грамоты), поскольку обладатель последнего, по крайней мере формально, имел право собственности в результате пожалования этого права королем¹². Конечно, далеко не случайно исследователи, изучающие историю Англии до 1066 г., не располагают документами, которые оформляли бы отчуждение фолкленда: соглашения подобного рода не заключались. П. Г. Виноградов убедительно доказал, что фолкленд — земля, которой владели по «народному праву», — не представлял собою объекта купли-продажи¹³. Подчинение англосаксонских крестьян власти феодалов обычно происходило без уступки ими прав на свои надель в пользу господ; крестьяне оказывались под властью церкви и служилых людей короля вместе со своими землями, независимо от того, насколько их права на эти надель приблизились к «аллодиальным»¹⁴. Что же касается норвежского одаля¹⁵, то, будучи, подобно аллоду и фолкленду, наследственным земельным владением, он на протяжении всего средневековья не превращался в свободно отчуждаемую собственность. Долгое время отчуждение одаля могло носить характер лишь заклада или временной передачи земли в чужие руки, но не окончательного перехода всех связанных с землей прав к новому ее собственнику. При продаже одаля владелец был обязан предложить его прежде всего своим сородичам и имел право отдать его на сторону лишь после того, как они откажутся взять эту землю, но и тогда сородичи прежнего владельца в течение длительного срока сохраняли право выкупа отчужденного владения. Право одаля, то есть право неотъемлемого, полного владения землей, семья приобретала лишь в результате непрерывного обладания ею на протяжении нескольких поколений. В XIII в. эти условия были несколько смягчены, но тем не менее нужно было обладать землей не менее 60 лет для того, чтобы приобрести на нее право одаля.

Сопоставление одаля с «ранним», или «неполным», аллодом, возможно, позволило бы лучше понять некоторые черты этого франкского института. Обычно полагают, что запрещение передавать аллодиальное владение по наследству женщинам («Салическая Правда», титул 59) свидетельствовало о неполноте превращения его в частную собственность малой семьи, тогда как разрешение дочери наследовать землю при отсутствии в живых брата («Эдикт Хильперика») якобы завершало подобное превращение. Это рассуждение, однако, не безупречно. И норвежское право допускало наследование одаля женщинами, что вовсе не приводило еще к его трансформации в свободно отчуж-

¹² Согласно формулярам грамот, по которым земли жаловались в бокленд, их владельцы приобретали право неограниченной частной собственности. Но это право в известном смысле было фикцией, порожденной заимствованием фразеологии римского права. На самом деле владелец бокленда не мог неограниченно им распоряжаться: если король жаловал бокленд церковному учреждению, то оно владело им по праву «мертвой руки»; дружинник же короля, пожалованный боклендом, был обязан исполнять военную и иную службу в пользу короля, и нарушение им присяги верности влекло за собою лишение его прав на бокленд. Таким образом, бокленд — вовсе не частная собственность, это раннефеодальный институт (А. Я. Гуревич. Английское крестьянство в X — начале XI в. Сборник «Средние века». Вып. IX. 1957).

¹³ P. Vinogradoff. *Folcland*. «Collected Papers». Vol. I. Oxford. 1928.

¹⁴ См. А. Я. Гуревич. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства. «Средние века». Вып. IV. 1953.

¹⁵ По некоторым толкованиям, термины *odal* (od-al) и *allodium* (al-od) родственны и имеют общий корень (см. У. Валоу. *Jus Medii Aevi*. 3. *Traité de Droit Salique*. T. I. Namur. 1965, p. 562). Однако такая этимология необщепризнанна. Видимо, близок к термину *odal* термин *ethel* (edel), связывающий понятия старины и благородства. В любом случае мы склонны видеть в одале не исключительно скандинавское явление, а скорее разновидность общегерманского института, сохранявшегося на Севере дольше, чем у других германских народов, поземельные отношения которых испытали на себе более сильное воздействие римского права.

даемую частную собственность. Все ограничения, которые обычное право налагало на отчуждение одаля, сохранялись в силе и тогда, когда право одаля предоставлялось некоторым ближайшим родственникам. «Эдикт Хильперика» устанавливал не равенство прав на землю дочерей и сыновей, а преимущественные права на наследственные владения прямых потомков перед более дальними родственниками и соседями. Ограничения, подобные тем, которые имели место при отчуждении одаля, существовали отчасти и в отношении аллода. Свободы распоряжения им так и не возникло: без согласия сородичей владелец не мог его отчуждать. По мнению Ж. Дюби, такой коллективный контроль над распоряжением аллодом во Франции со временем даже усиливался¹⁶. То же самое наблюдалось и в Германии. В этой связи представляет интерес «экономическая биография» некоего фриза, исследованная А. И. Неусыхиним: несмотря на распад большой семьи и дробление ее земельных владений между выделившимися из нее индивидуальными семьями, в обстановке интенсивного процесса феодализации, охватившего в X в. северные области Германии, владения семьи на протяжении поколений сохраняли свою аллодиальную природу. В литературе неоднократно отмечалось, что свободы распоряжения земельным владением не знали не только «варварские Правды», но и более поздние формулы и завещания¹⁷.

Несомненно, между упомянутыми тремя формами земельных владений — аллодом, фолклендом и одалем — существовали различия. В частности, были неодинаковы и возможности их отчуждения. Они были большими, вероятно, применительно к франкскому аллоду, что отчасти можно объяснить относительно сильным влиянием римского права во Франкском государстве. Тем не менее внутреннее родство этих институтов очень глубоко, и основные признаки наследственного земельного владения семьи повторяются в каждом из них. Для всех них характерна тесная, мы бы сказали, интимная, связь семейной группы с землей. Естественно, в институте одаля это единство видно с наибольшей отчетливостью. Понятие «одаля» означало не только «семейное владение», но и «родина», «отчина». В усадьбе, расположенной на земле одаля, семья жила на протяжении поколений с языческих времен, на этой земле находились могилы предков. Еще во второй половине XIII в. в норвежском праве употреблялся термин «haugbodal», который обозначал право одаля, восходившее ко временам, когда совершались погребения в курганах. Словом, вся жизнь семьи протекала в этом владении, на которое было принято смотреть как на неотъемлемую принадлежность семьи или рода. При таком отношении к земельному владению оставалось мало места для применения к нему категорий товара, отчуждения, купли-продажи.

При анализе отношений собственности в варварском (дофеодальном) обществе нельзя не остановиться на вопросе о дарениях. Особый интерес представляет концепция дара, существовавшая, по-видимому, у всех народов на стадии доклассового общества. Дар устанавливал тесное отношение между дарителем и получателем, которое имело далеко не одно лишь материальное содержание, но создавало между лицами, обменивавшимися дарами, внутреннюю духовную близость, своеобразную взаимную связь и даже зависимость. Это отражало представление варваров о наличии нерасторжимой связи индивида с его имуществом и свидетельствовало об отсутствии в их сознании четкой гра-

¹⁶ G. Duby. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise. P. 1953, pp. 272, 273, 305.

¹⁷ А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М. 1964, стр. 275, сл., 308, сл.; G. Fromhold. Der altfränkische Erbhof. Ein Beitrag zur Erklärung des Begriffs der terra salica. Breslau. 1938. S. 28, 30, 31, 33—34; Fr. Olivier-Martin. Histoire du droit français. P. 1951, p. 78.

ни между человеческим существом и объектом его владения — о неотдифференцированности отношения человека к самому себе и к богатству, являвшемуся как бы продолжением его собственного существа. Понятия «владение», «присвоение», «дарение» непосредственно вводят нас в сферу межличных отношений, основывавшихся на родстве, племенной принадлежности. Область экономических отношений и категорий оказывается теснейшим образом переплетающейся с областью идеальных представлений, религиозных верований, социально-этических традиций и норм. Любопытно проследить отражение этих специфических отношений и представлений в языках европейских народов раннего средневековья. В ряду значений слова «владение» в древнеанглийском языке наравне с понятием «богатство» мы встретим понятия, характеризующие личные качества обладателя этого богатства: «счастливый», «гордый», «могущественный», «благородный», «доблестный», «удачливый». Слова же, которое обозначало бы богатство исключительно как чисто хозяйственное, вещественное явление, в древнеанглийском языке вообще не было. Богатство в сознании людей варварского общества — показатель личной или родовой чести и доблести. Экономическая сфера деятельности человека непосредственно связана с этическими ценностями этого общества. Точно так же и в древнеисландском языке указанные понятия объединяются в один пучок значений. В немецком языке слово «eigen» первоначально относилось, по-видимому, лишь к лицам, а не к вещам («свой», «собственный», то есть принадлежащий к семье, к роду, либо «подчиненный», являющийся чьей-либо собственностью, то есть раб), и обозначение этим словом понятия «собственность» (Eigentum) пришло вместе с дальнейшим развитием отношений зависимости между людьми¹⁸. Разумеется, было бы ошибочным смешивать воедино подлинное существо общественных порядков, их материальное содержание с идеологизированными представлениями общества об этих порядках, с той их фетишизацией, которая сама порождалась специфическим бытием этого общества. Но не менее ошибочным и антиисторичным было бы игнорировать указанные представления, ибо они не оставались только в субъективном плане иллюзий, а находили материальное воплощение в человеческой практике. В частности, эти идеи и представления лежали в основе права, которым варвары руководствовались в своей жизни, которое регулировало их социально-имущественные и иные отношения.

Категории купли-продажи в «чистом виде» как простой товарной сделки, в первую очередь в отношении недвижимости, земли, варвары, по-видимому, еще не знали. Отмеченные особенности отношения к земле свободных общинников в дофеодальный, а отчасти и в раннефеодальный период необходимо иметь в виду, когда мы рассматриваем проблему втягивания этого слоя общества в феодальную зависимость. Предпосылкой феодального подчинения мелких свободных землевладельцев была не экспроприация их как собственников (подобно тому, как это происходило в эпоху первоначального накопления капитала), не разорение (хотя и этот процесс, конечно, имел место) и пауперизация, а скорее апроприация — подчинение свободных общинников вместе с их наделами власти крупных землевладельцев. Апроприация совершалась различными методами, но она была универсальным явлением повсюду, где шел процесс феодализации. Среди различных форм превращения мелких землевладельцев в зависимых крестьян наиболее характерной и распространенной во Франкском государстве фор-

¹⁸ Eadig, saelig — богатый, счастливый, wlouc — богатый, гордый, rice — богатый, могущественный, ag — честь, благополучие, владение, sped — богатство, удача, доблесть. E. Leisi. Aufschlussreiche altenglische Wortinhalte. «Sprache-Schlüssel zur Welt». Düsseldorf. 1959, S. 316; F. Mezger. Zur Frühgeschichte von Freiheit und Frieden. «Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie». 1956, S. 15—16

мой был «прекарий возвращенный». Согласно буквальному тексту грамоты, в основе этого вида прекария лежал акт отчуждения права собственности на землю мелким владельцем в пользу духовного или светского магната, в результате чего мелкий землевладелец превращался в держателя участка. Важно было бы, однако, подчеркнуть, что, строго говоря, никакого отчуждения не совершалось: это была лишь юридическая форма, в которую облекался акт, имевший существенно иное содержание. Формуляр грамоты был дан римским правом. На самом же деле происходило подчинение мелкого землевладельца магнату, превращение его из свободного и независимого субъекта в зависимого человека, подзащитного магната, вследствие чего и земля крестьянина оказывалась под властью его сеньора, переходила в его собственность. Таким образом, отрыва земледельца от его участка не происходило, он по-прежнему самостоятельно вел свое хозяйство, но в силу складывавшихся в раннефеодальный период общественных условий имел возможность сохранить в своих руках эту землю, лишь вступив под покровительство сеньора. Наиболее существенное в прекарной сделке, на наш взгляд, — именно акт личного подчинения крестьянина; переход же его земли в собственность сеньора — следствие признания личной зависимости.

Необходимо также подчеркнуть, что магнаты, стремившиеся поставить под свою власть возможно большее число мелких землевладельцев, добивались при этом в первую очередь не увеличения собственных доходов. Известно, что платежи, возлагавшиеся на прекаристов, как правило, были умеренными, барщинные повинности не были характерны для этой категории держателей: экономические выгоды для сеньоров они представляли небольшие и не в них состояла суть отношений между прекаристом и магнатом. Главным стимулом, побуждавшим магнатов подчинять себе крестьян и другие категории населения, было стремление упрочить свое общественное положение, расширить сферу власти, распространить, насколько возможно, свое личное могущество. Последнее же зависело, по глубокому наблюдению К. Маркса, не от размеров доходов крупных землевладельцев, а от числа их подданных¹⁹. Уместно напомнить и другое соображение К. Маркса: «Если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде»²⁰. Вспомним мысль К. Маркса о «емкости желудка» феодала как факторе, существенно лимитировавшем уровень эксплуатации крестьян. Следовательно, не чисто вещный момент лежал в основе создания отношений феодальной зависимости крестьян от сеньоров в период раннего средневековья, а личные отношения непосредственной зависимости, отношения господства и подчинения. Поземельные отношения собственности были производными от этих личных отношений: власть сеньора над личностью подданного находила свое продолжение в его власти над землей, имевшей для него ценность лишь постольку, поскольку она была заселена крестьянами и другими вассалами. По выражению К. Маркса,

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 729: «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство». Именно в этой связи К. Маркс, имея в виду «буржуазные предрассудки» современной ему исторической литературы, переносившей на средние века представление о капиталистическом обществе, бросает замечание: «Быть либеральным» за счет средневековья чрезвычайно удобно» (там же, примечание 192).

²⁰ Там же, стр. 247.

при системе рабства и крепостничества земельная собственность была «лишь составной частью собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей»²¹.

Это обстоятельство свидетельствует о глубоком отличии феодальной земельной собственности от буржуазной, вообще от частной собственности в прямом смысле слова. Частная собственность-товар может сложиться только в условиях развитого товарного производства, будь то денежное хозяйство античности либо высшая форма товарного производства — капитализм. В этих условиях земля становится объектом чисто вещных, экономических отношений. В средние века, в особенности в раннее средневековье, понятие «частная собственность» неприменимо к земле ни тогда, когда она принадлежит мелкому землевладельцу, ни тогда, когда она вместе с ним подпадает под власть крупного землевладельца. В обоих случаях налицо теснейшая, неразрывная, органическая связь земледельца с участком, связь, которая может быть окончательно порвана лишь на заре капитализма²². При переходе от первой из упомянутых форм — мелкого землевладения ко второй — крупному землевладению эта связь не нарушается и существенно не меняется: под контролем феодала находились как земля, так и человек, ее возделывающий, — причем, подчеркнем еще раз, суть этого отношения заключалась именно во власти сеньора над личностью земледельца, вследствие чего эта власть распространялась и на участок последнего — прямое продолжение его личности. Можно сказать: земельная собственность феодала была опосредована его властью над крестьянином, собственностью на его личность. Сущность отношения собственности, говорит К. Маркс о феодализме, состояла в отношении господства²³.

То же самое наблюдается и при тех вариантах развития феодализма, при которых прекарий не имел места или не играл столь существенной роли, как во Франкском государстве. В Англии в раннее средневековье профилирующей формой крупного землевладения был бокленд. Здесь под покровом римского института частной собственности устанавливалось совершенно иное отношение. Формуляр королевской грамоты гласил, что король жаловал монастырю или тэну землю в полную и ничем не ограниченную собственность. На самом же деле передачи земельной собственности не происходило, так как король обычно жаловал земли, не принадлежавшие к его патримонию. На правах бокленда по большей части передавались деревни или округа со свободным населением, которое было подчинено королю как главе племени или монарху, но не как крупному землевладельцу. Существо пожалования в бокленд состояло в передаче королем духовному учреждению или дружиннику прав, которыми он сам обладал по отношению к жителям этой территории: права сбора кормлений и податей, права суда и взимания штрафов. Следовательно, король жаловал, собственно, власть над людьми, а не земельное владение, иммунитет, а не поместье. Между владельцем прав бокленда и населением переданной ему территории устанавливались личные отношения зависимости, подданства, подвластности. Кэрлы, сидевшие на этих землях, не утрачивали вследствие королевского пожалования прав фолкленда на свои наделы. В результате пожалования создавалось такое положение, когда на одну и ту же землю возникало право бокленда, принадлежавшее магнату, и сохранялось право фолкленда у крестьян. Но ни то, ни другое право, строго говоря, не было правом частной собствен-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 184.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 371—372.

²³ См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 36.

ности: фолкленд представлял собой принадлежность крестьянина и его хозяйства, бокленд — власть его обладателя над крестьянами. Затем происходило феодальное «освоение» территории, оказавшейся под властью владельца бокленда в силу пожалования; он мог завести здесь барскую запашку, заставить крестьян исполнять новые повинности, то есть максимально реализовать свою власть над ними²⁴.

Своеобразную разновидность этого же способа подчинения свободных мелких землевладельцев власти господ представляет развитие института норвежской вейцлы, имеющей полную параллель и в других скандинавских странах. Бонды были обязаны на свой счет угощать и снабжать продовольствием, фуражом и транспортом конунга и его свиту во время их систематических разъездов по стране. Первоначально эти угощения были добровольными, но со времени объединения Норвегии под властью одного государя, дружина которого разрослась, они стали превращаться в обязательные поставки и дани. Речь шла о личном отношении подданства бондов королю. Однако в сагах превращение «пиров»-вейцл в обязательную повинность крестьян изображается как насильственное «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым у всего населения страны. Понятия «власть», «управление» и «собственность» (одаль) постоянно смешиваются в источниках того времени, — они были неразличимы для средневековых скандинавов, и это в высшей степени показательно. В дальнейшем короли стали жаловать своим приближенным — лендрманам право сбора угощений и кормлений, которым они пользовались. Термин «лендрман» буквально значит: «обладающий землей человек», поэтому его часто переводят: «землевладелец», «крупный землевладелец» или «земельный господин». Но на самом деле лендрман был не собственником земли и не господином над землей, а человеком, обладавшим определенными правами по отношению к бондам, жившим на этой земле. Его могущество коренилось не в земле, а во власти над крестьянами. Что лендрман не обладал правом собственности на землю, пожалованную ему конунгом, явствует из того, что эти пожалования в Норвегии всегда давались лишь на время и не имели наследственного характера. Лендрман мог «кормиться» за счет бондов и управлять ими от имени короля, но феодальным в обычном понимании он не был²⁵.

Сколько ни велики были различия в положении крестьян во Франции, Англии и Норвегии, мы наблюдаем в нем нечто общее. В любом случае, идет ли речь о франкских прекаристах церкви и монастырей, или об англосаксонских крестьянах, находившихся под властью владельца бокленда, или о скандинавских бондах, обязанных устраивать вейцлы королю либо его дружиннику, в основе этих отношений лежал прежде всего элемент личного подданства, подчинения непосредственных производителей могущественным людям, обладавшим над ними властью. Крупное землевладение в раннее средневековье по существу своему — управление людьми, личная власть над ними, власть судебной-административная, военная, сопряженная со сборами даний, рент, податей (из даний-кормлений со временем развивались как феодальная рента, так и государственная подать). Люди же, подчиненные носителю власти, сидели на земле, возделывали ее, вследствие чего его власть распространялась и на эту землю. Феодальная собственность не только предполагала внеэкономическое принуждение, но и включала его в себя как конститутивную со-

²⁴ См. А. Я. Гуревич. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства, стр. 52, сл., 70, сл.

²⁵ А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. 1967, стр. 93, сл., 117.; сл.; e j u s d. Die freien Bauern im mittelalterlichen Norwegen. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald». Jg. XIV. 1965. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe 2/3, S. 242—243.

ставную часть, ибо феодальная собственность представляла собой не право свободного распоряжения какой-либо территорией, а власть над людьми, живущими и трудящимися на этой земле. По мысли К. Маркса, в «феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»²⁶. Внеэкономическое принуждение не было лишь средством выкачивания из крестьян прибавочного труда, точно так же как само крупное землевладение не служило феодалу только источником обогащения и доходов. Внеэкономическое принуждение было неотъемлемым признаком власти сеньора над своими подданными²⁷.

Высказанные выше соображения об особенностях феодальной собственности — и вообще собственности на землю в средние века — теснейшим образом сопряжены с пониманием средневекового общества как такого общества, в котором доминирует тип непосредственных, личных социальных связей. Недооценка этого решающего, на наш взгляд, обстоятельства ведет к одностороннему пониманию существа феодальных производственных отношений. Нередко историки сводят отношения между феодалами и крестьянами к борьбе за ренту: первые стремятся любыми средствами ее увеличить, вторые — понизить или закрепить ее на определенном уровне. Не вызывает никакого сомнения, что эта борьба имела место и чрезвычайно обострялась по мере развития товарного производства, когда создавался достаточно емкий рынок для сбыта сельскохозяйственных продуктов. Не случайно, что именно в XIV—XVI вв. в Западной Европе происходят великие крестьянские восстания. Но правомерно ли перенесение представления о производственных отношениях развитого и позднего феодализма на раннее средневековье? Социальные антагонизмы раннефеодального общества имели иную природу. Крестьяне боролись в тот период прежде всего против своего подчинения власти господ, за сохранение личной свободы, подчас и старой веры — язычества. Вопрос о величине ренты не мог еще выступить на передний план и приобрести решающее значение для отношений между крестьянами и господами. Давно установлено, что величина ренты, взыскивавшейся феодальными господами с крестьян, как правило, не зависела от размеров крестьянских наделов. Обычно не существовало единого общего уровня эксплуатации крестьян не только в масштабах страны, но и в пределах области, даже одной сеньории: формы и размеры ренты бесконечно варьировали. Единообразие рент, взимаемых феодалом с крестьян, населявших одну деревню, было кажущимся: одинаковые платежи и повинности должны были платить крестьяне, имевшие наделы неодинакового размера и качества и семьи различного состава²⁸. Следовательно, «уравниловка» в повинностях на деле приводила к крайней пестроте уровней обложения, к тому, что в одних случаях феодал мог присваивать весь прибавочный продукт крестьянина, а в других — лишь часть его.

На ранних этапах развития феодализма традиция и всякого рода приводящие обстоятельства, подчас весьма далекие от хозяйственных нужд и интересов, играли большую, а иногда и решающую роль в установлении способов эксплуатации. Статус держателя, его происхождение, способ его вовлечения в отношения зависимости, форма этой зависимости определяли характер его эксплуатации. Именно личные, внеэкономические моменты выступали здесь на первый план. Экономические формы эксплуатации были опосредованы ими, являлись как бы

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 344.

²⁷ См. С. Д. Сказкин. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении. «Средние века». Вып. V. 1954.

²⁸ Я. Д. Серовайский. К вопросу о возрастании ренты при феодализме. «Ученые записки» Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. Серия историческая. Т. XXXI, вып. 3. 1957, стр. 95.

производными от них. Не случайно поэтому в поместных кадастрах и полиптиках раннего средневековья наряду с повинностями и платежами, которые собирали землевладельцы, фиксировались имена держателей и даже членов их семей. Феодалу было далеко не безразлично, кто сидит на его земле, сколько людей и какие именно люди ему подчинены, каковы их личный и общественный статус, форма зависимости. Господство системы внеэкономического принуждения и производственных отношений непосредственной зависимости неизбежно порождало интерес феодальных сеньоров к персональному составу их подданных. Складывавшаяся в тот период феодальная собственность имела особый характер. Она принципиально отличалась от частной собственности буржуазного общества. Нельзя представлять феодала в виде полного, неограниченного собственника своей земли. Он не был таковым ни по отношению к крестьянам, ни по отношению к вышестоящему сеньору.

Зависимый крестьянин — непосредственный владелец земли, на которой он вел свое хозяйство, и его права на надел должен был признавать его господин. К. Маркс отмечал, что крестьяне в средние века обладали таким же феодальным правом на землю, как и сами феодалы²⁹. Отсюда следует, что необходимо в полной мере учитывать всю специфику феодальной собственности на землю. При феодализме не существовало частной земельной собственности ни феодалов, ни крестьян. Вместе с тем и те и другие имели право собственности на часть продукта, получаемого с земли: феодал присваивал прибавочный продукт — ренту, крестьянин оставался собственником необходимого продукта и орудий производства. Источником и необходимым и прибавочного продукта служил труд крестьянина, и феодалы должны были считаться с тем, что крестьяне владели участками земли, в их руках находилось ведение хозяйства. Конечно, не случайно стгон крестьян с земли, предпринимавшийся господствующим классом в позднее средневековье в Англии и отчасти в некоторых других странах, воспринимался как насилие и нарушение крестьянских прав. На протяжении всего предшествующего периода существования феодальной системы эти права крестьян на землю всерьез под сомнение не ставились. В странах же, где не произошло насильственной ликвидации владельческих прав крестьян, последние сумели превратить их в буржуазное право частной собственности, как это произошло во Франции в результате революции 1789—1794 гг. или в Норвегии в результате распродажи коронных и дворянских земель в XVII и XVIII веках. «Расщепленная» собственность, при которой «верховное распоряжение» землей принадлежало якобы феодалу, а правом пользования ею был наделен держатель, — фикция юридического мышления нового времени, чуждая как исторической действительности, так и правосознанию средневековья. Вернее было бы сказать, что крестьянин при феодализме был владельцем земли, а сеньор обладал властью над крестьянином и вследствие этого над его землей, что давало ему возможность присваивать прибавочный продукт труда крестьянина. Понятия «власть», «присвоение», «владение» подходят к этим отношениям гораздо больше, чем понятия «полная» или «частная собственность», «верховная собственность», «монополия на землю» и т. п. В центре внимания феодалов была не сама земля как объект владения и распоряжения, а прежде всего люди, сидевшие на этой земле и находившиеся в личной зависимости от сеньора в самых различных формах: от «сословной неполноправности» до крепостничества в полном смысле этого слова. В основе феодальных прав на землю лежала власть сеньора над крестьянами.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 730.

При крепостном праве, может быть, именно потому, что личная зависимость была столь полной, что приближалась к праву собственности господина на крепостного, сеньор распространял это право и на землю. Но комплекс отношений, который мы обозначаем терминами «крепостничество», «крепостное право», реально сложился в позднефеодальном обществе, когда личные отношения все более «овеществлялись», приобретая товарную природу. Формы феодальной зависимости крестьян в период раннего средневековья, сколь суровыми они ни становились, строго говоря, не выражались в крепостничестве. Крепостное право — это специфическая форма зависимости и эксплуатации крестьян, которая развилась в условиях растущей товарности сельскохозяйственного производства и укреплявшегося самодержавия. «Второе издание крепостного права» в Восточной Европе в XV—XVIII вв., собственно, было первым и единственным в европейской истории. При иных формах зависимости крестьян от господ, в особенности, когда эта зависимость была относительно слабой, видно, что феодал не имел права собственности на землю крестьянина. Таковы, например, отношения английских сокменов (и других «свободных людей») с лордами, обладавшими над ними судебной властью: признавая в лордах господ, сокмены владели своими участками, уплачивая номинальные чинши.

В основе отношений в среде феодалов, между сеньорами и вассалами, мы опять-таки обнаруживаем прежде всего не отношения земельной собственности, но личные отношения. Последние, как правило, транспонировались на землю, но никогда не сводились к поземельным отношениям. Сеньориально-вассальная связь была всегда некоей формой отношений личной верности и покровительства, обмена услугами. Более того, отношения вассала и сеньора могли существовать вообще без пожалования земли: уже генезис сеньориально-вассальных отношений свидетельствует о том, что они возникали сплошь и рядом как чисто личные отношения покровительства, службы, верности. Таковы были связи между вождем и дружинниками, приносившими вождю присягу верности и служившими ему не за земельное пожалование, а на условии получения доли в захваченной добыче, за оружие, коней, пиры, которые вождь устраивал для своей дружины. Таковы были и отношения между королями и их подданными, получавшими от королей пожалования в виде даней и кормлений, право сбора которых в свою пользу даровал им король: так складывалась «вассальная зависимость без фьефов, или фьефы, состоявшие только из даней» (К. Маркс)³⁰. Далее, дружинники могли получать землю в вознаграждение за уже оказанные услуги, как это происходило во Франкском государстве при Меровингах до бенефициальной реформы Карла Мартелла: следовательно, отношение вассала к своему сеньору основывалось на личной коммандации, а земельное дарение не являлось условием выполнения службы. Могут возразить, что все перечисленные формы отношений между сеньорами и вассалами не являлись полностью феодальными именно потому, что в основе их еще не лежал принцип условного земельного пожалования. Но в таком случае под понятие «лен» не подойдут и многие формы сеньориально-вассальных отношений периода «классического» средневековья, прежде всего — разнообразные виды «фьефов-рент», при которых сеньор жаловал своему служилому человеку не землю, а доход с нее, либо доход от торгового местечка, пошлины всякого рода, доходы от мельничных и иных сборов, короче говоря, денежные поступления³¹. «Фьеф-ренту»

³⁰ К. Маркс. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L. 1899, p. 76.

³¹ См. Ю. Л. Бессмертный. Изменение структуры межсеньориальных отношений в Восточной Франции XIII в. «Средние века». Вып. 28, 1965, стр. 55, сл. Там же и обзор литературы вопроса.

в известном смысле можно рассматривать уже как форму разложения «классического» лена — земельного пожалования. Но нечто подобное мы наблюдаем и в странах, в которых такие лены (в узком смысле слова) не получили распространения, например, в Скандинавии. Пожалование вейцлы представляло передачу права сбора доходов с населения в виде угощений или продуктовых платежей без передачи самой земли под власть получателя пожалования. Специфичны были и ленные пожалования на Руси.

Вообще нужно отметить, что установить реальную грань, отделяющую дань от феодальной ренты, чрезвычайно трудно, может быть, даже и вообще невозможно. Трудность, на наш взгляд, коренится в том, что в основе отношений данничества и в основе вассальной зависимости было нечто общее. Это общее заключалось, разумеется, не в отношениях собственности на землю, а в обладании властью над людьми. Такой властью пользовался государь или князь, собиравший дани и угощения с населения, которым он управлял; ею пользовался и сеньор, повелевавший своими вассалами. В одних случаях эта власть могла носить чисто личный характер и не сопровождаться установлением поземельно-ленной зависимости подданных от господина, в других случаях такая зависимость создавалась. Вышеизложенное дает основание для того, чтобы предположить: ленное пожалование в виде земли было лишь одной из многих возможных форм вознаграждения вассала за верность и службу, но не единственной и строго обязательной формой. Представление о том, что феодальное пожалование обязательно должно было быть пожалованием земли, оправдано только при принятии за единственную «законную модель» феодализма его «классического» (французского) варианта. Но даже и в рамках этого варианта встречаются всякого рода «аномалии» и несоответствия привычной модели.

Итак, вассальное отношение могло сопровождаться земельным пожалованием, но могло существовать и без него — при пожаловании власти над населением, либо собираемых с него доходов без передачи земли, либо при пожаловании доходов неземледельческого происхождения. Существенна не форма пожалования, важен самый факт существования военного класса за счет эксплуатации сельского населения, какую бы конкретную форму эта эксплуатация ни принимала, и везде, где мы находим в средние века военный класс, возвышающийся над основной массой крестьянского населения, мы обнаруживаем и зависимость крестьянства от господ-воинов, эксплуатирующих его труд и управляющих обществом. Существуют ли достаточные основания для противопоставления земельной формы сеньориального пожалования всем остальным? Ведь любому из этих пожалований присуще одно общее для них качество, которое и является определяющим, а именно — наделение вассала личной властью над крестьянами, в силу чего он и получал возможность их эксплуатировать. Фьеф, пожалованный рыцарю, представлял для него ценность постольку, поскольку на земле фьефа сидели крестьяне, переходившие под его власть и принужденные в силу этого платить ему ренту. Следовательно, не земля сама по себе, а крестьяне, населявшие ее, были необходимы для выполнения рыцарем военной службы. Другим неотъемлемым признаком вассальной зависимости была преданность вассала сеньору, устанавливавшаяся при посредстве присяги верности. Опять-таки существенно подчеркнуть личный характер отношений покровительства и служения, — без той или иной формы коммундации и сюзеренитета нет феодальных отношений. Таким образом, феодальные отношения не могут быть сведены к аграрным отношениям. Последние являются их основой в указанном выше смысле: военный класс общества, связанный узами взаимных лич-

ных обязательств, господствовал над классом крестьян, причем это классовое господство, верховенство дворянства *in concreto* обязательно и неизбежно принимало формы личного господства отдельных членов высшего сословия, объединенных в иерархию, над зависимыми от них крестьянами.

Личный характер в средние века имели поэтому не только общественные отношения, но и отношения политические: публичная власть принимала форму частнопроводного отношения, при котором подданные государя оказывались на положении его вассалов, а самая власть приобретала характер патримониальный. Средневековое феодальное государство — это прежде всего союз сеньоров и их непосредственных подданных, подчинивших себе остальное население. Такое государство строилось не на абстрактном принципе территориального суверенитета, а на системе вассальных договоров. У феодального государства еще не было и не могло быть точных границ: оно охватывало совокупность личных отношений между определенными индивидами — князьями, баронами, рыцарями, между их семьями и родами. Поэтому пределы средневекового государства менялись в зависимости от личных судеб тех или иных владетелей, от заключаемых или династических, брачных и наследственных сделок, от конфликтов между ними.

Было бы неоправданной натяжкой объяснять возникновение в XII в. державы Плантагенетов, объединившей ряд областей Франции с Английским королевством, торговыми связями или иными материальными предпосылками, определявшими формирование государств нового времени: династические комбинации отторгли от Франции богатейшие обширные провинции и надолго поставили их под власть королей Англии, и лишь длительная борьба «выправила» эту «аномалию», вернув Аквитанию и соседние области в состав Французского государства — но на это потребовалось три столетия!

Когда говорят о «поместье-государстве», обычно имеют в виду наличие публичной власти сеньора над населением его поместья. Но, может быть, правильнее было бы говорить о государстве-сеньории; если поместье и имело некоторые признаки государства, то государство в еще большей мере обладало чертами феодальной сеньории, опиравшейся на личные связи между сеньором и вассалами. Не отсюда ли трудность реального разграничения между признаками базиса и надстройки применительно к средневековому социальному строю, относительность и двойственность этих понятий, столь определенных и недвусмысленных в капиталистическом обществе? Политика и экономика всегда взаимно обусловлены, но по отношению к капиталистическому обществу их тем не менее нетрудно логически расчленивать. Иначе дело обстоит с обществом феодальным, где вопрос о собственности был вместе с тем вопросом о власти и, наоборот, политическое господство сливалось с отношениями собственническими. Понятия и терминология средневековья в этом смысле очень симптоматичны. Землевладелец сплошь и рядом именовали «господином земли», имея в виду не господство его над территорией, а власть над населением. Понятие «сеньория» объединяло в себе представление о господстве над людьми и верховенстве в пределах определенной территории. Территориальный князь — это государь, властвовавший над подданными, населявшими его княжество. С другой стороны, возникала идея, согласно которой король являлся собственником всей земли своего государства. Государям раннего средневековья не было чуждо отношение к своему королевству как к наследственному владению: они его делили между сыновьями, видели в нем свою вотчину. Однако «собственность» короля на его королевство, разумеется, не имела ничего общего с правом част-

ной собственности, она реально расшифровывалась как суверенитет, то есть опять-таки как сеньориальная власть над вассалами.

Лишь на стадии зрелого феодализма государство из союза определенных лиц, связанных сеньориально-вассальными отношениями, постепенно перерастает в совокупность учреждений: королевской курии, сословного представительства, местных собраний. Тем не менее и в этих учреждениях момент личных связей и зависимостей держался очень упорно. Например, в английском парламенте представительной была лишь палата общин, тогда как верхняя палата заполнялась персонально приглашенными лордами, связанными с королем не только государственным подданством, но прежде всего сеньориальными узами. Эти два принципа — публичного верховенства и частноправового подданства — сосуществовали, переплетаясь, на протяжении столетий. В период раннего средневековья первый принцип явно отступал на задний план по сравнению со вторым. Так, при Каролингах реальное могущество королей опиралось преимущественно на их сеньориальное господство над прямыми вассалами и бенефициариями, над теми лицами и слоями населения, которые искали их частного покровительства; публичная же власть все более ускользала от короля, ее узурпировали, превращая во власть частную, местные владыки, графы, епископы и другие феодалы. Публичная власть, не перераставшая в частную, становилась, по сути дела, фиктивной, номинальной. Такой была императорская власть последних Каролингов, и империя — идейно-политическое наследие античности, возрожденное было Карлом Великим, — распалась при его внуках. Политическая раздробленность в эпоху раннего феодализма не признак слабости государства, а естественное в тех условиях его состояние: то был иерархизированный союз вассалов и сеньоров, опиравшийся на систему личных связей — преобладавшую в том обществе форму социальных отношений. Слабым это государство представляется при сравнении его с формой государства нового времени, неотъемлемым признаком которого является централизация. Но это не признак, присущий феодально-средневековой политической организации. Разумеется, в этой форме государства королевская власть долгое время обладала ограниченными реальными правами и возможностями. Попытки укрепления королевской власти обычно шли по пути утверждения как публичного суверенитета короля, так и его сеньориальных полномочий. Нам пришлось затронуть вопрос о феодальном государстве только потому, что он оказался непосредственно связанным с вопросом о характере феодальной собственности. Эта собственность не может быть понята лишь как чисто социально-экономическая категория, она была вместе с тем и категорией социально-политической, поскольку включала в себя отношения вассальной зависимости и политического господства.

К концу средних веков, когда все более возрастала роль экономических факторов развития, личный аспект социальных отношений стал отступать на задний план. Соответственно изменялось и содержание земельной собственности: она приближалась к окончательному превращению в свободную частную собственность, в одних случаях — в руках дворянства, в других — в руках непривилегированных, крестьян или бюргеров. Однако до тех пор, пока сохранялся феодальный строй, оставались и ограничения собственности. Поэтому в Англии, стране, где трансформация аграрных отношений на буржуазный манер шла быстрее и радикальнее, чем в остальной Европе, новое дворянство, по сути своей уже класс буржуазных собственников, тем не менее смогло утвердить свое право частной собственности на землю только после победы революции XVII в. и отмены рыцарского держания — вассальных обязательств дворян-землеладельцев по отно-

шению к короне. Известно, какое видное место занимал вопрос о ликвидации сеньориальных прав, то есть о превращении ограниченной феодальной собственности в свободную, частную буржуазную собственность во Французской революции конца XVIII в., но здесь это превращение совершилось не в интересах дворянства, как в Англии, а в интересах буржуазии и крестьян. В предшествующие же эпохи структура землевладения сохраняла «политическую» и «эмоциональную», «сентиментальную» окраску (К. Маркс), и эта невычлененность сферы экономической из сферы политики, морали, религии, связанность ее ритуалом и господствовавшими в обществе мифологическими системами — характерная черта докапиталистических формаций.

Мы рассмотрели здесь не только раннефеодальный период, но и бегло период развитого феодализма, для того чтобы отчетливо выявить особый характер собственностиских отношений при феодализме и тенденцию их развития. При всех различиях между разными этапами феодальной формации непосредственные личные связи между людьми оставались здесь, как и в дофеодальном обществе, преобладающим типом социальных отношений. Этот тип связей пронизывает все стороны их общественной жизни и налагает неизгладимый отпечаток на самые различные институты. Мы считали необходимым сконцентрировать внимание именно на личных связях — важном факторе сложения ранних форм собственности потому, что без учета этого фактора, как и без исторического подхода к понятию «собственность», невозможна характеристика любого из докапиталистических обществ. Обычно феодальное общество рассматривается в сопоставлении с буржуазным. Но многие существенные стороны феодализма выступают более отчетливо при изучении его в ряду других докапиталистических обществ, в которых тип личных социальных связей доминировал. Исследование природы наиболее ранних из этих обществ, находящихся на грани перехода от доклассового строя к классовому, и составляет предмет дискуссии об азиатском способе производства.

